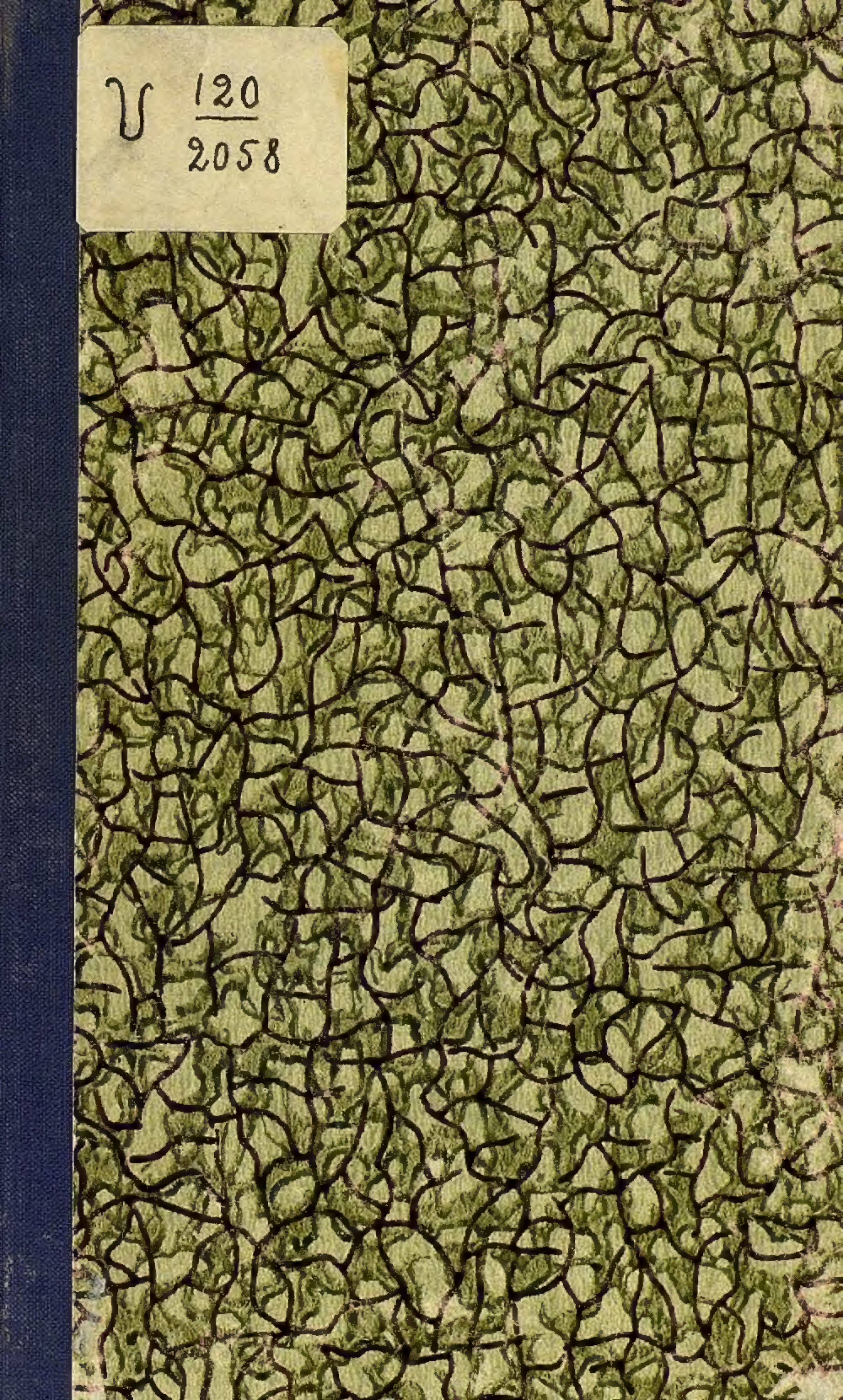
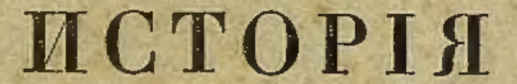

2007055463

ИСТОРІЯ

ОДНОЙ КНИГИ.

«Будемъ справедливы, господа литераторы, отличимъ критику отъ личности, и согласимся, что безъ критики не можетъ быть литературы, какъ безъ дождя растительности. Вспомнимъ стихами И. А. Крылова:

Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.»

Сѣв. пчела, 1838, №247, журн. мозаика.

МОСКВА.
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 14 1839 года.

Ценсоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

Не знаю, нужно-ли доказывать, что тотъ, на кого литературные противники нападаютъ *печатно*, имѣетъ все право *печатно* и возражать имъ. Дѣло, кажется, ясно. Я даже того мнѣнія, что онъ не только можетъ, но долженъ пользоваться своимъ правомъ, долженъ передъ собою, долженъ передъ обществомъ. Къ кому обращаются противники съ своими печатными обвиненіями? Къ публикѣ. Кого избираютъ они себѣ въ судьи? Публику. Если-же одна сторона обращается къ ней, какъ къ судилищу, то и другая должна сдѣлать то-же, сколько изъ уваженія къ себѣ, столько и изъ уваженія къ справедливости, которая тогда лишь возможна, когда обѣ стороны будутъ равно услышаны.

Въ послѣднее время, одна петербургская газета сдѣлала мнѣ честь открыто причислить меня къ числу людей, удостоившихся не раздѣлять ея симпатіи. Такая честь заслуживала-бы всю мою признательность, и я, вѣроятно, не искалъ-бы иначе выразить благодарность мою, какъ самымъ глубокимъ молчаніемъ, если-бъ противная мнѣ газета оставалась въ

предѣлахъ чисто литературнаго спора. Въ большей части случаевъ смѣшно и неприлично вступаться за свое произведенiе и говорить критикамъ: «вамъ книга моя не нравится? Напрасно; она очень хороша.» Конечно, можно, и даже должно, отстаивать свои идеи, мнѣнiя, теорiи, все, во что́ вы вѣруете, какъ въ истину; но странно вступаться за форму, часто случайную, въ которую писатель облекаетъ эти идеи и мнѣнiя, и которую мы называемъ книгой. Защищайте, если хотите защищать, не книгу, но свои убѣжденiя. — Слѣдуя этому правилу, я, вѣроятно, отвѣчалъ-бы однимъ молчанiемъ на журнальныя выходки, тѣмъ болѣе, что книга, о которой шла рѣчь, говоря собственно, принадлежала не мнѣ; главное-же, т. е. то, что̀ въ литературныхъ мнѣнiяхъ своихъ я считаю за истину, предоставилъ-бы въ защиту одному всеисправляющему времени. Но газета не довольствовалась литературнымъ споромъ; она вмѣшала въ него мое лицо. У нея даже не было, по видимому, и желанiя указать на то, что̀ ей казалось вѣрнымъ, и что̀ нѣтъ; она, вмѣсто литературной расправы, одной для нея приличной, учредила какую-то расправу совѣсти, которая ей вовсе не пристала. Съ этой минуты я не могъ уже оставаться при прежнемъ намѣренiи — хранить молчанiе. Я *долженъ* былъ говорить — изъ уваженiя къ себѣ и къ справедливости.

Но до сихъ поръ я *не могъ* этого исполнить, по причинамъ, не любопытнымъ для публики. Теперь, при первой возможности, выполняю то, что́ почитаю своей обязанностью.

Мое намѣреніе, отнюдь не входить въ споръ съ литературной газетой, не доказывать ей, что она ошибается, и ни въ какомъ случаѣ не оправдываться передъ нею; мое намѣреніе, просто изложить спорное дѣло, какъ оно было, другими словами, разсказать вкратцѣ, но искренно, исторію книги, подавшей поводъ къ журнальнымъ толкамъ. Я буду обращаться не къ газетѣ, не къ лицу издателя, а къ публикѣ, къ которой относятся и сами противники; пусть это судилище, ими-же избранное, рѣшитъ, на чьей сторонѣ правда.

Вотъ въ чемъ дѣло:

Тѣ, которые постоянно читаютъ русскіе журналы, вѣрно, замѣтили, что съ нѣкоторыхъ поръ въ нихъ довольно часто говорятъ о книгѣ, изданной недавно въ Германіи г. Кёнигомъ: «Literarische Bilder aus Russland» (Литературные очерки Россіи), и что съ этой книгой нерѣдко соединяютъ мое имя. Извѣстно, что въ Германіи книга г. Кёнига обратила вниманіе какъ на себя, такъ, въ особенности, на русскую словесность. Послѣ этого, мнѣ оставалось-бы только поздравить себя съ честію, что имя мое связано съ книгой, которая нашу словесность и насъ самихъ возвысила въ глазахъ иностранцевъ. Но нападенія литературныхъ противниковъ не позволяютъ мнѣ довольствоваться скромнымъ молчаніемъ и заставляютъ меня по неволѣ объяснить читателямъ произхожденіе книги г. Кёнига и степень моего въ ней участія.

Въ началѣ 1837 года я жилъ по болѣзни въ Ганау, небольшомъ городкѣ близь Франкфурта на Майнѣ. Въ числѣ навѣщавшихъ меня знакомыхъ былъ

и г. Кёнигъ, извѣстный нѣмецкій литераторъ. Смерть Пушкина, случившаяся въ то время, сильно настроила вниманіе Нѣмцевъ на литературу русскую. Г. Кёнигъ желалъ узнать нѣкоторыя подробности о жизни и сочиненіяхъ Пушкина. Отмѣтивъ на бумагѣ слышанное отъ меня и дополнивъ изустныя извѣстія печатными изъ нѣмецкихъ и французскихъ журналовъ, онъ составилъ въ послѣдствіи статью, которая была помѣщена имъ въ одномъ періодическомъ изданіи. Но любопытство г. Кёнига не ограничилось однимъ Пушкинымъ. Онъ желалъ имѣть и о другихъ писателяхъ русскихъ свѣденія такого-же рода, предполагая издать рядъ портретовъ въ видѣ галереи русской словесности. Я согласился и на это требованіе, надѣясь извлечь изъ литературныхъ бесѣдъ своихъ съ г. Кёнигомъ не одно для себя развлеченіе, но и пользу для словесности нашей. Въ Германіи, какъ и въ остальной Европѣ, русская литература — сущая terra incognita: нельзя представить себѣ, какія невѣрныя, часто совершенно ложныя понятія иностранцы обнаруживаютъ о ней въ сочиненіяхъ, гдѣ-бы всего менѣе можно было ожидать неточности. Чтобъ увѣриться въ этомъ, стоитъ заглянуть на пр. въ послѣднее, *исправленное* изданіе «Конверсаціонсъ-Лексикона.»—Такое состояніе нашихъ литературныхъ дѣлъ въ чужихъ краяхъ должно было заставить преодолѣть всѣ сомнѣнія, которыя могли на меня находить. Правда, живя долго внѣ Россіи, не имѣя подъ рукой никакихъ литературныхъ пособій, вдалекѣ отъ людей, чьи совѣты могли-бы мнѣ быть полезными, я имѣлъ причину колебаться въ

своемъ намѣреніи; но случай, который, можетъ быть, не представился-бы въ другой разъ, готовность опытнаго и уважаемаго въ Германіи литератора посвятить себя труду, котораго польза, какъ-бы онъ ни былъ далекъ отъ совершенства, казалась мнѣ ощутительною для русской литературы, случайное къ ней вниманіе Нѣмцевъ, возбужденное смертію Пушкина: все это было для меня болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ побѣдить сомнѣнія и пожертвовать личнымъ самолюбіемъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль г. Кёнигъ приходилъ ко мнѣ *бесѣдовать* о русской словесности, отмѣчая слышанное, что̀ и составило зерно его будущаго труда. Къ этимъ бѣглымъ отмѣткамъ въ послѣдствіи присоединилъ онъ все, что̀ могъ найти о литературѣ и литераторахъ русскихъ въ частной-ли перепискѣ, въ изустныхъ-ли разсказахъ другихъ; также прибавилъ къ нимъ извѣстія, разсѣянныя въ разныхъ сборникахъ, журналахъ и газетахъ, руководствуясь между прочимъ и «Исторіей русской словесности» г. Греча, не задолго передъ тѣмъ переведенной на нѣмецкій языкъ. Наконецъ, по приведеніи въ порядокъ всѣхъ этихъ матеріяловъ, онъ составилъ изъ нихъ книгу, конечно, не полную, далеко не совершенную, но въ первый разъ представившую въ живыхъ краскахъ сколько нибудь связную картину нашей словесности. Онъ выбралъ для того форму біографическую и, не стѣсняясь систематическимъ распредѣленіемъ матеріяловъ, включилъ въ нее все, что̀ казалось ему любопытнымъ и новымъ. Успѣхъ книги оправдалъ его мысль. Первое изданіе разошлось; г. Кёнигу поручено приготовить

новое. Книга разсмотрѣна и оцѣнена съ весьма выгодной для нея стороны почти всѣми литературными журналами Германіи, фактъ, который подтверждается и письмомъ г. Бодянскаго, помѣщеннымъ въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія» *.

* Въ Іюльской книжкѣ 1838 года, гдѣ, на стр. 200, между прочимъ сказано: «переводъ Кёниговыхъ Liter. Bilder aus Russland, продиктованныхъ г. Мельгуновымъ, не въ продолжительномъ времени выйдетъ на Чешскомъ. Эта книга столько надѣлала шуму въ Германіи, что почти во всѣхъ лучшихъ нѣмецкихъ журналахъ появились на нее огромныя рецензіи, въ которыхъ особенно обращаютъ вниманіе на споры московскихъ литераторовъ съ петербургскими: одни рецензенты за первыхъ, другіе за вторыхъ.» Здѣсь я позволю себѣ замѣтить, что выраженіе, употребленное г. Бодянскимъ о книгѣ Кёнига: «продиктованная г. Мельгуновымъ,» не совсѣмъ точно, и можетъ легко ввести въ заблужденіе. Г. Кёнигъ не былъ и не могъ быть *писцомъ* моимъ; онъ-бы не согласился подчиниться такому условію, а я-бы никогда не рѣшился ему предложить его. Въ предисловіи къ книгѣ своей онъ говоритъ (стр. VIII): «я *собралъ* въ ней сужденія иностранныхъ наблюдателей и знатоковъ (fremder Beschauer und Kenner.)» Въ другомъ мѣстѣ (стр. VI) сказано: «мнѣ дано позволеніе упомянуть о г. Мельгуновѣ, какъ о томъ, отъ кого *преимущественно* я заимствовалъ свѣденія.» Сколько мнѣ извѣстно, *преимущественно* ни на какомъ языкѣ не значитъ *единственно* или *исключительно*, и тотъ, кто *собираетъ* сужденія *нѣсколькихъ*, излагая ихъ по своему, не пишетъ ни подъ чью *диктовку*, а въ полномъ смыслѣ заслуживаетъ названія *составителя* книги. — Меня удивляетъ также, какимъ образомъ эта книга могла подать нѣмецкимъ журналамъ поводъ спорить о литературномъ первенствѣ столицъ нашихъ. У г. Кёнига сказано мимоходомъ о томъ, какую пользу для русской словесности можетъ принести литературное соревнованіе Москвы съ Петербургомъ, — преимущество, котораго не имѣетъ на пр. Франція, гдѣ вся умственная дѣятельность сосредоточена въ одномъ городѣ; также упомянуто вкратцѣ о спорѣ, который петербургскіе журналисты нѣсколько разъ за-

Въ этомъ-же письмѣ, г. Бодянскій говоритъ о переводѣ ея на богемскій языкъ. Мнѣ также достовѣрно извѣстно, что она переведена и по голландски. Недавно извѣщали въ «Современникѣ» (1839, N 1), что въ Берлинѣ одинъ французскій литераторъ занятъ переводомъ ея на французскій языкъ. Сверхъ того, во французскихъ и англійскихъ обозрѣніяхъ представлены были болѣе или менѣе подробныя изъ нея извлеченія. Такое общее вниманіе должно́ быть, разумѣется, приписано не столько достоинству самой книги, сколько ея содержанію. Въ Германіи, какъ замѣчаетъ г. Фарнгагенъ въ своей статьѣ о сочиненіяхъ Пушкина *, и какъ писали мнѣ изъ разныхъ мѣстъ, книга г. Кёнига въ первый разъ раскрыла богатства русской словесности, которыхъ до того никто и не подозрѣвалъ. Нашлись любители, даже между дамами, особливо въ Берлинѣ, которые тотчасъ-же принялись за изученіе русскаго языка **.

годи ли съ московскими. Что́ могли нѣмецкіе рецензенты извлечь изъ этихъ простыхъ положеній? Богъ знаетъ. Я еще не видалъ ни одной рецензіи, гдѣ-бы говорилось объ этомъ предметѣ, и потому не знаю, какія заключенія и выводы дѣлаютъ глубокомысленные нѣмецкіе критики.

* Помѣщенной въ берлинскихъ «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik» (October, 1838), и переведенной въ «Сынъ отечества,» 1839, N 1.

** Однимъ изъ самыхъ разительныхъ тому примѣровъ можетъ служить г. Фарнгагенъ фонъ Энсе, извѣстный нѣмецкій литераторъ. Принявшись вскорѣ послѣ появленія Кёниговой книги за изученіе русскаго языка, онъ, съ помощію одного молодаго нашего ученаго, черезъ 6 мѣсяцовъ достигъ того, что свободно сталъ понимать Пушкина. Въ Іюлѣ 1838 одинъ мой знакомый писалъ ко мнѣ изъ Берлина слѣдующее: «Фарнгагена

Вниманіе любознательныхъ Нѣмцевъ объясняется очень естественно: передъ ними явился новый, имъ до того неизвѣстный міръ; и они, воображавшіе, что уже ни одна сколько нибудь образованная литература не укрылась отъ ихъ проницательнаго взора, вдругъ съ изумленіемъ увидѣли, что сосѣдній, близкій имъ народъ, съ которымъ они такъ часто входили въ различныя сношенія, обладаетъ словесностію, имъ почти совершенно неизвѣстною. Это изумленіе было тѣмъ сильнѣе, что до Кёниговой книги ничто къ нему не могло приготовить. Г. Фарнгагенъ, въ упомянутой статьѣ, гдѣ явно проглядываетъ удивленіе мореходца, неожиданно встрѣтившаго на пути своемъ неизвѣстную землю, замѣчаетъ, и къ сожалѣнію, совершенно справедливо, что литераторы, переводившіе до того времени съ русскаго, были большею частію весьма неразборчивы въ выборѣ произведеній нашей словесности. Книгѣ г. Кёнига въ первый разъ удалось ввести сколько нибудь русское слово и русскую литературу въ кругъ европейской образованности.

Успѣхъ далеко превзошелъ ожиданія. Но этотъ самый успѣхъ обязываетъ г. Кёнига, при вторичномъ изданіи книги, обратить все вниманіе, отъ него зависящее, на ея улучшеніе. При первомъ изданіи, причины, приведенныя выше, не позволили дать «Очеркамъ» г. Кёнига должной отдѣлки; я, сверхъ то-

я засталъ за чтеніемъ Пушкина: онъ изумилъ меня. Пушкина понимаетъ онъ очень свободно и читаетъ его съ наслажденіемъ. Н. произвелъ чудо надъ нимъ,» и т. д. Впрочемъ, лучшимъ подтвержденіемъ этихъ словъ служитъ самая статья г. Фарнгагена о Пушкинѣ.

го, находясь, по выѣздѣ изъ Ганау, въ безпрестанныхъ разъѣздахъ, не могъ слѣдить, какъ желалъ-бы ни за окончательнымъ составленіемъ, ни за печатаніемъ книги, которая вышла въ Германіи уже тогда, какъ я былъ въ Россіи. Отъ этого, въ нее вкралось иное лишнее, иное невѣрное; иное важное пропущено или упомянуто вскользь: все это должно быть измѣнено и исправлено. * Г. Кёнигъ первый чувствовалъ недостатки своей книги, и потому, готовя второе изданіе, просилъ нѣсколькихъ русскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ и меня, сообщить ему поправки, дополненія, замѣчанія всякаго рода. Что до меня касается, я постараюсь выполнить по силамъ его требованіе. Надѣюсь, что и прочіе литераторы не замедлятъ снабдить его отмѣтками, отъ которыхъ его книга можетъ только выиграть. Въ такой надеждѣ, я писалъ въ Берлинъ и просилъ предложить французскому переводчику «Очерковъ» г. Кёнига пріостановиться печатаніемъ своего перевода до появленія втораго ихъ изданія. Съ своей стороны я сдѣлаю все, что будетъ возможно; другіе благонамѣренные литераторы, болѣе

* Я говорю о недостаткахъ дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ. Нѣкоторые русскіе журналы еще недавно удивлялись, какъ можно было прозаика Новикова помѣстить въ одну групу съ Ломоносовымъ и Державинымъ. Это показываетъ, что критики не прочли не только самой книги, но даже и заглавія статьи «aeltere weltliche Schriftsteller.» Какъ *писатели* (Schriftsteller) одного періода, Державинъ и Новиковъ могутъ, кажется, стоять вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что распредѣленіе на групы, хотя-бъ оно было и произвольно, не имѣетъ въ себѣ ничего существеннаго и важнаго.

мого свѣдущіе и опытные, сдѣлаютъ, надѣюсь, еще больше. Такимъ образомъ, книга станетъ вполнѣ достойною своего предмета и послужитъ въ Германіи руководствомъ при изученіи русской словесности, изученіи, которое, ожидать надо, болѣе и болѣе распространится.

Вотъ исторія и будущія вѣроятныя судьбы книги г Кёнига въ Германіи. Ея исторія въ Россіи не лишена также нѣкоторой занимательности, хотя въ другомъ родѣ. Само собою разумѣется, что въ то время, какъ участники въ составленіи книги думали и старались быть безпристрастными, но вмѣстѣ и справедливыми,—нѣкоторые изъ русскихъ литераторовъ, которымъ правда глаза колола, находили эту книгу несправедливою и пристрастною. Иначе и быть не могло. Кто бываетъ судьею въ собственномъ дѣлѣ, тотъ всегда рѣшаетъ его въ свою пользу, и противникъ не долженъ ожидать отъ него пощады. «Сѣверная пчела» первая возстала противъ меня и противъ книги г. Кёнига. (При этомъ спѣшу замѣтить: когда я говорю о «пчелѣ», я разумѣю лишь литературную ея редакцію; до редакціи-же политическихъ извѣстій споръ этотъ не можетъ касаться: она здѣсь въ сторонѣ). — Я ожидалъ нападенія со стороны этой газеты: литературной ея редакціи въ книгѣ г. Кёнига досталось почему-то болѣе, чѣмъ кому либо другому. Выходка, стало быть, меня удивить не могла. Не могъ удивить и ея тонъ: это былъ обыкновенный тонъ газеты, отъ котораго ей не отвыкать-же на старости лѣтъ. Но не смотря на это, какъ я ни былъ приготовленъ къ нападенію такого рода,

неделикатность обвиненій, чтобъ не сказать болѣе, превзошла всѣ мои ожиданія. Я увидѣлъ, что порядочному человѣку, уважающему собою и дорожащему своимъ достоинствомъ, не было возможности вступать въ неровный бой, въ которомъ не могъ-же я употребить въ защиту оружія своего противника. Мнѣ оставалось представить читающей Россіи положеніе спорнаго дѣла въ его настоящемъ видѣ, не входя въ прямое состязаніе. Время и справедливое негодованіе людей благомыслящихъ, думалъ я, утвердятъ-же рано или поздно мнѣніе публики, которая увидитъ, на чьей сторонѣ правда и достоинство. Не повторяю здѣсь обвиненій газеты, и, разумѣется, не позволю себѣ въ нихъ оправдываться; приведу лишь одно наивное замѣчаніе противника, которое достаточно обозначитъ духъ его критикъ. «Насъ удивляетъ еще и то,» — говоритъ онъ,—«какой это сердитый г. Мельгуновъ» (все это въ предположеніи, что я *диктовалъ* или, какъ очень учтиво выражается газета, *нашептывалъ* г. Кёнигу его книгу:); «и за что это онъ сердится особенно на Булгарина.» * Не видите-ль вы въ этомъ неоцѣненномъ признаніи ключа, которымъ объясняется большая часть теперешнихъ критикъ? Газета удивляется, *за что* я (или N. N: все равно) *сержусь* на Б или на X, предпочтительно передъ У и Z? Что такого сдѣлалъ мнѣ X? Онъ меня никогда не бранилъ, и даже не хвалилъ никогда; стало быть, за что-бы мнѣ на него сердиться? Журнально взять, вещь ясная. Литературная редакція газеты до того привыкла всѣ свои сужденія основывать на личныхъ

* Сѣверная Пчела 1838, N 35.

отношеніяхъ, что она и понять не въ состояніи, какъ можетъ въ сердцѣ человѣческомъ (я говорю вообще, безо всякихъ примѣненій) существовать негодованіе чистое, безкорыстное, слѣдствіе не похвалы или брани, негодованіе не на человѣка частнаго, котораго вы не знаете, но на писателя, котораго сочиненія, по мнѣнію вашему, въ Россіи — содѣйствовали-бы распространенію дурнаго вкуса, кривыхъ сужденій, приторной нравоучительности, не согрѣтой чувствомъ и подкрѣпляемой примѣрами, вовсе не назидательными; а въ чужихъ краяхъ — дали-бъ иностранцамъ ложное понятіе о нашихъ нравахъ, образѣ жизни, характерѣ; что такимъ образомъ сочиненія эти заслуживали-бы, независимо отъ всякихъ личныхъ отношеній, всей строгости критика или историка литературы. Вотъ чего газета не можетъ понять, даромъ что ежедневно толкуетъ о безпристрастіи и прочихъ обязанностяхъ критика, о которыхъ въ наше время тѣмъ чаще говорятъ, чѣмъ ихъ рѣже выполняютъ. *

Другимъ противникомъ книги г. Кёнига и моимъ объявилъ себя одинъ изъ толстыхъ петер-

* Здѣсь кстати исправить нѣкоторыя неточности, умышленныя или нѣтъ, которыя вкрались въ N 232 (журн. мозаика) «Сѣверной пчелы» 1838. Тамъ сказано,

что «Freihafen», новый журналъ, выходящій въ Альтонѣ, издается г. Кёнигомъ;

что письмо о русской словесности, помѣщенное въ N 2 этого журнала за прошедшій годъ, написано г. Кёнигомъ-же, и что оно, разумѣется, продиктовано мною.

На это имѣю честь отвѣчать:

«Freihafen», какъ извѣстно, издается Т. Мундтомъ, а не г. Кёнигомъ, который только въ немъ участвуетъ.

бургскихъ журналовъ, обновившійся въ прошломъ году (не помню, въ который разъ) и только на заглавномъ листѣ сохранившій имя прежняго редактора. Редакторъ, одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ, такъ занятъ составленіемъ политическихъ извѣстій въ газетѣ, о которой мы сей часъ говорили, что, по видимому, не принимаетъ никакого участія въ журналѣ своемъ, не смотря на то, что ему обязанъ началомъ своей извѣстности. По этой причинѣ, я и здѣсь долженъ отстранить г. редактора толстаго журнала, редактора *по праву*, хотя и не *по дѣлу*, отъ предлежащаго спора, который до него вовсе не относится. Конечно, иной могъ-бы и къ нему придраться; но — справедливость выше всего.

Письмо о русской словесности не было написано г. Кёнигомъ; и это я основываю не на тѣхъ причинахъ, которыя такъ благонамѣренно приводитъ какой-то г. Ивановъ въ «Гамбургскомъ корреспондентѣ» прошлаго года, а на томъ, что г. Кёнигъ имѣетъ обыкновеніе подписывать имя свое подъ всѣми своими статьями, и еще болѣе на слогѣ письма, совершенно отличномъ отъ слога г. Кёнига.

Ни ему, ни кому другому я не сообщалъ *ни слова* для упомянутаго письма, и до сихъ поръ не знаю утвердительно, кѣмъ оно написано. Сверхъ того, въ немъ говорятъ обо мнѣ: это одно уже показываетъ, что оно писано не подъ моимъ руководствомъ.

Я упомянулъ о статьѣ г. Иванова въ «Hamburger Correspondenten». Не знаю, въ какихъ отношеніяхъ г. Ивановъ находится къ литературной редакціи «Сѣверной пчелы»; но изъ статьи явно, что онъ написалъ ее подъ вліяніемъ упомянутой газеты. Это отчасти повтореніе, отчасти распространеніе ея словъ, къ которымъ г. Ивановъ позволилъ себѣ прибавить два, три замѣчанія, которыхъ добрая цѣль показываетъ, что есть возможность превзойти даже «Сѣверную пчелу» въ деликатности и благородствѣ.

Кто-бы ни былъ *настоящій* редакторъ журнала съ патріотическимъ названіемъ, я почитаю дѣломъ совѣсти прежде всего объявить, что мнѣ все таки пріятнѣе вести споръ съ нимъ, нежели съ родственной ему газетой. И въ этомъ журналѣ имѣешь, правда, дѣло съ противникомъ не совсѣмъ безпристрастнымъ; но гдѣ-же искать безпристрастія, особливо, когда личное самолюбіе болѣе или менѣе участвуетъ въ спорѣ? По крайней мѣрѣ, оружіе, употребляемое противникомъ, не изъ числа недозволенныхъ въ благовоспитанномъ обществѣ, и тонъ критики таковъ, что на нее можно отвѣчать безъ униженія своего достоинства.

Выписавъ изъ «Современника» (изъ статьи: «переводы русскихъ сочиненій на нѣмецкій языкъ,» помѣщенной въ N 1, 1839) извѣстіе о томъ, что Кёнигова книга переводится по французски, что Фарнгагенова статья о Пушкинѣ произвела сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ и, наровнѣ съ современными политическими вопросами, занимала нѣсколько дней городъ, что повѣсти Кн. Одоевскаго и поэмы Пушкина переводятся на нѣмецкій языкъ, а внукъ Гёте пишетъ оперу изъ поэмы Пушкина: Цыганы, — рецензентъ обращается собственно къ книгѣ г. Кёнига и къ статьѣ г. Фарнгагена о сочиненіяхъ Пушкина, которой переводъ помѣщенъ въ томъ-же N журнала, * при чемъ косвенно упоминаетъ и обо мнѣ. Такимъ образомъ, нападенія свои рецензентъ

* См. N 1 «Сына отечества,» 1839, въ отдѣленіи критики. Замѣчанія-же рецензента находятся въ томъ-же номерѣ, въ статьѣ: «Лѣтопись русскихъ журналовъ за 1839-й годъ.»

направляетъ на три различные предмета: на книгу г. Кёнига, на мое въ ней участіе и на статью г. Фарнгагена о Пушкинѣ. Разсмотримъ каждое изъ нихъ особенно.

«Жаль, — говоритъ критикъ, — что книга Кёнига, съ нѣсколькими справедливыми извѣстіями, распространитъ по Европѣ и множество ложныхъ извѣстій и мнѣній, передастъ иностранцамъ голоса партій литературныхъ, а не настоящую картину русской литературы.»

Жаль,—скажу я въ свою очередь,—что рецензентъ не взялъ на себя труда *доказать* выписками изъ самой книги строгость своего приговора. Я уже замѣтилъ въ началѣ этой брошюры, что «Очерки г. Кёнига, по обстоятельствамъ, не совсѣмъ свободны отъ погрѣшностей, и что нѣкоторыя извѣстія должны быть въ нихъ исправлены. Но что̀ касается собственно до литературныхъ мнѣній въ Кёниговой книгѣ, то это уже дѣло совершенно личное, и только голосъ публики можетъ рѣшить окончательно, справедливы-ли эти мнѣнія, или ложны. Утвержденія или отрицанія безъ всякихъ подкрѣпленій ровно ничего не значатъ и ничего не доказываютъ. Если-бы строгій критикъ желалъ быть въ полномъ смыслѣ безпристрастнымъ, то онъ, допустивъ въ книгѣ г. Кёнига, какъ и во всякомъ дѣлѣ ума человѣческаго, погрѣшности и ошибки, долженъ-бы былъ внимательно взвѣсить ея недостатки и достоинства, вѣрныя и неточныя извѣстія, мнѣнія справедливыя и неосновательныя, и потомъ спросить себя: что̀-же перевѣшиваетъ? Тогда, можетъ быть, онъ пришелъ-бы къ друго-

му результату и сказалъ-бы на оборотъ: книга Кёнига, съ нѣсколькими неточными извѣстіями, распространитъ по Европѣ и множество вѣрныхъ извѣстій и мнѣній, и неизбѣжно передавая голоса литературныхъ партій, именно то, что составляетъ жизненную силу каждой словесности, тѣмъ самымъ представитъ настоящую картину русской литературы.

Я увѣренъ, что съ бо́льшимъ хладнокровіемъ и при болѣе внимательномъ чтеніи книги, рецензентъ дошелъ-бы до подобнаго заключенія. Оно было-бы согласно съ большинствомъ сужденій о книгѣ г. Кёнига, какъ въ иностранныхъ, такъ и въ русскихъ журналахъ; оно было-бы также согласно и съ большинствомъ частныхъ мнѣній, которыя до сихъ поръ мнѣ удалось слышать. *

* Осмѣлюсь привести здѣсь, какъ одно изъ многочисленныхъ доказательствъ сказаннаго мною, слова одного знаменитаго ученаго, котораго труды равно принадлежатъ и германскому и славянскому міру, и который тѣмъ болѣе могъ сохранить свое безпристрастіе, что между имъ и мною никогда никакихъ сношеній не было, и я лично ему никогда не былъ извѣстенъ. Привожу окончаніе письма его въ подлинникѣ:

«Ich bitte Sie, wenn Sie Gelegenheit dazu haben, dem H-rn Melgunow meine Hochachtung und meinen Dank zu melden für den Genuss, den mir die von Koenig herausgegebenen »Liter. Bilder« gewährt haben. Da spricht ein Kenner über sein Thema. So ist's Recht: besser durch Wahrheit wenigen Auserwählten zu gefallen, als durch literarische Windbeutelei einem vornehm-gemeinen, rohen, unwissenden Pöbel zu imponiren. Opinionum commenta dolet dies: naturae judicia confirmat.»

Я могъ-бы увеличить выписки, какъ изъ частныхъ писемъ отъ людей извѣстныхъ, такъ и изъ иностранныхъ, особливо нѣмецкихъ журналовъ; но довольствуюсь переводомъ одной фразы изъ вышеприведеннаго мѣста: «лучше заслужить правдой одобреніе немногихъ избранныхъ, чѣмъ литературнымъ шарла-

Странное дѣло! Никто столько не говоритъ о литературномъ безпристрастіи и необходимости удаляться духа партій, какъ наши записные критики. Желалъ-бы я, однако, видѣть на моемъ мѣстѣ строгаго рецензента: съ какимъ-бы онъ безпристрастіемъ, сообщая г. Кёнигу, или другому иностранному литератору, извѣстія и мнѣнія о русской словесности, отозвался о писателяхъ русскихъ, не только живыхъ, но и мертвыхъ; что̀ сказалъ-бы онъ на пр. о Карамзинѣ; какое было-бы его сужденіе о большей части современныхъ писателей, съ которыми онъ, вѣроятно, какъ критикъ и какъ журналистъ, литературно не разъ и ссорился, и мирился, и опять ссорился. Но что̀ говорить объ этомъ! Кто̀ не знаетъ, что легче увидѣть былинку въ глазу другаго, нежели бревно въ своемъ собственномъ?

Перейдемъ ко второму пункту. Слѣдуя весьма похвальному обычаю, рецензентъ, правда, не называетъ меня въ своихъ замѣчаніяхъ по имени и отчеству, но очень ясно даетъ чувствовать (особливо послѣ статьи г. Фарнгагена, гдѣ мое имя упомянуто), что *я диктовалъ* г. Кёнигу его книгу, а г. Фарнгагену его разборъ сочиненій Пушкина. Нельзя не примѣтить, что предположеніе, будто *я* диктовалъ и диктую все, что̀ ни появляется съ нѣкоторыхъ поръ въ Германіи о русской словесности, есть конекъ многихъ, даже благонамѣренныхъ людей, и особенно конекъ тѣхъ, кто выѣзжаетъ на немъ для того, чтобы

танствомъ пускать пыль въ глаза надменно-пошлой, грубой и невѣжественной толпѣ.»

Избранные уже отдали справедливость книгѣ г. Кёнига.

въ лицѣ моемъ, безъ дальнихъ хлопотъ и справокъ, поразить разомъ всѣхъ, чей справедливый судъ или не менѣе справедливое молчаніе тревожитъ ихъ авторское самолюбіе и разстроиваетъ ихъ планы на безсмертіе. Конечно, такой родъ защиты очень покоенъ и еще имѣетъ ту выгоду, что, по древнему обычаю, который одному лицу приписывалъ подвиги нѣсколькихъ героевъ, — одному человѣку, да еще и самому докучливому, навязываютъ, вмѣстѣ съ добрыми дѣлами, и всѣ грѣхи, какіе кто либо и когда либо учинилъ противъ русской словесности. Пусть этотъ одинъ, думаютъ великодушные противники, несетъ на себѣ всѣ чужія прегрѣшенія противъ русской литературы; авось онъ изнеможетъ подъ такою ношей!

Я уже говорилъ въ началѣ брошюры о степени моего участія въ книгѣ г. Кёнига, и о томъ, какъ выраженіе: *продиктована*, мало соотвѣтствуетъ истинѣ. Не имѣю надобности повторять здѣсь однажды сказаннаго. Еще менѣе справедливо выраженіе: *продиктована*, относительно статьи г. Фарнгагена. Еслибы дѣйствительно статья эта была написана подъ моимъ вліяніемъ (предположеніе, которое всего сильнѣе опровергается извѣстною независимостію литературныхъ мнѣній автора и его знаніемъ русскаго языка), то я тѣмъ скорѣе признался-бы въ этомъ, что внушить подобную статью, конечно, могло-бы мнѣ доставить только честь, и честь большую.

Это естественно приводитъ меня къ послѣднему пункту, къ самой статьѣ г. Фарнгагена. Не понимаю, за что̀ такъ строго отзывается критикъ объ этомъ прекрасномъ обзорѣ сочиненій Пушкина. Мнѣ

кажется, что тутъ онъ особенно показалъ на дѣлѣ, какъ трудно быть безпристрастнымъ и какъ легко увлечься духомъ литературныхъ партій.

Прежде всего надо замѣтить, что кто захочетъ судить о статьѣ г. Фарнгагена, тотъ долженъ прочесть ее въ подлинникѣ, а не въ переводѣ, помѣщенномъ въ «Сынѣ отечества», гдѣ во многихъ мѣстахъ смыслъ оригинала не только искаженъ, но совершенно затерянъ въ хаосѣ неточныхъ выраженій, въ безграматности самыхъ запутанныхъ оборотовъ, вовсе противныхъ духу русскаго языка. Удивляюсь, какъ издатель не взялъ на себя труда свѣрить переводъ съ подлинникомъ и сдѣлать его хоть сколько нибудь доступнѣе для чтенія.

Впрочемъ, каковъ ни есть переводъ, терпѣливый и смышленый читатель даже по немъ увѣрится, какъ мало справедливъ рѣзкій приговоръ рецензента. Германіи, Европѣ, въ первый разъ открывается во всей своей значительности новый, до того ей едва по имени извѣстный поэтъ; и рецензентъ удивляется, чѣмъ статья г. Фарнгагена могла обратить на себя вниманіе Германцевъ. Она, какъ сказано въ «Современникѣ», нѣсколько дней занимала Берлинъ наровнѣ съ современными политическими вопросами. Интересъ былъ, видно, великъ? Да и могло-ли быть иначе? Германцы увидѣли, что Россія сильна не однимъ политическимъ могуществомъ, не однимъ милліономъ войска и богатствомъ своихъ произведеній, но сильна и мыслію, и словомъ, что она не грубый богатырь, крѣпкій лишь мышцами, но богатырь образованный, или, по крайней мѣрѣ, дѣятельно стремящійся

къ образованности. Развѣ такое открытіе не могло, не должно было удивить иностранцевъ? Все, что г. Фарнгагенъ такъ справедливо говоритъ о могуществѣ и будущихъ судьбахъ нашего отечества, о богатствѣ и великолѣпіи нашего языка, о красотахъ и поэтической значительности Пушкина, все это должно было изумить и Берлинъ, и всю Германію; все это также изумитъ и остальную Европу, когда, по словамъ «Современника», статья г. Фарнгагена переведена будетъ по французски. Эта статья до того обратила на себя вниманіе Германцевъ, что отъ нѣкоторыхъ, черезъ чуръ пламенныхъ, патріотовъ навлекла ея автору упрекъ въ Servilität. Мы знаемъ, что значитъ подобное выраженіе въ устахъ какого нибудь Менцеля, и потому повторяемъ его здѣсь не въ укоръ, а въ славу г. Фарнгагену. Это выраженіе показываетъ, какъ непріятно удивило *нѣкоторыхъ* умственное возвышеніе Россіи, которой они не могутъ уже простить и ея политическаго возвышенія.

Далѣе, рецензентъ говоритъ, что упоминаемая статья представляетъ самую невѣрную и превратную критику, самый односторонній взглядъ на Пушкина. Односторонній! Но онъ уже, конечно, несравненно менѣе одностороненъ, чѣмъ взглядъ одного русскаго критика, весьма извѣстнаго строгому рецензенту, который въ Пушкинѣ видитъ одного только Лирика. Вотъ ужъ этотъ взглядъ вполнѣ заслуживаетъ названія односторонняго! Мнѣ было-бы крайне любопытно знать, чѣмъ-же критика Фарнгагена такъ превратна. Самъ не соглашаясь съ нимъ въ иномъ,

я, однако, не нахожу, чтобы статья его заслуживала такого строгаго приговора. Признаюсь даже, что изо всѣхъ статей и разсужденій, которыя мнѣ до сихъ поръ случилось читать о Пушкинѣ, я не помню ни одного, которому-бы статья г. Фарнгагена могла уступить въ полнотѣ, основательности, искусствѣ схватывать характеристическое и отличительное въ произведеніяхъ поэзіи Статья о Пушкинѣ была-бы для самихъ Русскихъ въ высокой степени занимательною, если-бъ только издатель «Сына отечества» позаботился передать ее исправнѣе.

Мнѣ кажется, что, вмѣсто того, чтобъ г. Фарнгагену дѣлать незаслуженные упреки, ничѣмъ ихъ не подкрѣпляя и не доказывая, было-бы справедливѣе и достойнѣе званія русскаго литератора принесть этому отличному, самимъ Гёте высоко цѣнимому германскому писателю и критику, полную, чистую нашу признательность за то, что онъ, не смотря на свои лѣта и на многоразличныя занятія, удѣлилъ значительную часть времени на изученіе нашего языка и словесности, и столь достойнымъ образомъ содѣйствуетъ въ Европѣ распространенію того и другаго. Соучастіе къ такимъ людямъ, каковъ г. Фарнгагенъ, можетъ только принесть честь литератору, особливо, когда этотъ литераторъ носитъ русское имя.

Въ заключеніе своихъ словъ, рецензентъ почелъ нужнымъ выразить скорбь свою объ упадкѣ нѣмецкой литературы и критики. «Грустно, — говоритъ онъ, — читать Менцелей и Фарнгагеновъ послѣ Лессинговъ и Шлегелей,» — и пр. и пр.

Я, съ своей стороны, также замѣчу, что для меня не менѣе грустно видѣть людей, впрочемъ, умныхъ, когда они берутся судить о вещахъ, которыя имъ, по видимому, мало извѣстны. Ставить на одну доску Фарнгагена съ Менцелемъ, а еще болѣе, великана критики, Лессинга съ Шлегелями, значитъ знать весьма поверхностно нѣмецкую словесность. Но оставимъ этотъ споръ, который не можетъ быть рѣшенъ въ нѣсколькихъ словахъ, и, прежде нежели разстанемся съ нашимъ критикомъ, сообщимъ ему, благо говоримъ о Менцелѣ, одно мѣсто изъ Literatur-Blatt нынѣшняго года, которое, вѣроятно, заставитъ его разсмѣяться.

Критикъ «Сына отечества,» какъ извѣстно, съ издавна не любитъ Менцеля. Его обвиненія, изложенныя имъ въ прошломъ году довольно пространно, отчасти слишкомъ рѣзки и несправедливы; но нельзя не согласиться, что иное въ нихъ и дѣльно. Менцель, человѣкъ, во всякомъ случаѣ, весьма замѣчательный, былъ, кажется, созданъ природою не столько для литературнаго, сколько для политическаго поприща. Во Франціи или въ Англіи онъ былъ-бы трибуномъ; въ Германіи онъ сдѣлался журналистомъ. Отъ того, онъ рѣдко умѣетъ отыскать въ книгѣ или писателѣ ихъ внутреннее, прямое достоинство; большею частію схватываетъ какую нибудь внѣшнюю сторону, даже одну отдѣльную мысль, фразу, и на ней основываетъ приговоръ свой. У него есть нѣсколько коньковъ; эти коньки — Гёте, Гегель, юная Германія, Deutschthum, непріязнь къ Россіи, и пр. Такъ недавно, разбирая книгу г. Кёнига, о которой вооб-

щее отзывается съ похвалою, хотя, по весьма понятнымъ причинамъ, и не раздѣляетъ выраженныхъ въ этой книгѣ надеждъ на бóльшіе и бóльшіе успѣхи Россіи въ дѣлѣ самобытной образованности, онъ разборъ свой заключаетъ слѣдующимъ: *

«Въ книгѣ Кёнига сказано, что Булгаринъ подражатель Лесажа и Жуи, и что его знаменитый, столько разъ изданный и переведенный романъ: Иванъ Выжигинъ, есть его худшее произведеніе. Такое страстное порицаніе можетъ быть объяснено развѣ тѣмъ только, что романъ Булгарина изображаетъ темную сторону русской жизни.» (Надобно знать, что въ той-же статьѣ Менцель дѣлаетъ мнѣ слегка упрекъ въ пристрастіи къ Россіи и русскому). «Иначе, — продолжаетъ Менцель, — показалось-бы непонятнымъ, какимъ образомъ въ ряду русскихъ поэтовъ именно *тотъ* и заслужилъ порицанія, кто всѣхъ вѣрнѣй и живѣе изобразилъ русскіе нравы и обстоятельства, и по этому-то сдѣлался внѣ Россіи самымъ народнымъ изо всѣхъ русскихъ писателей. Творенія, подобныя превосходному Ивану Выжигину, вообще не могутъ быть оцѣняемы съ одной литературной или эстетической точки зрѣнія. Даже, если-бъ онѣ были изысканы въ формѣ, если-бъ были однимъ слабымъ подражаніемъ, то и тогда своимъ содержаніемъ, всемірно (welthistorisch) занимательнымъ, искупили-бы недостатки формы. Но романа Булгарина нельзя порицать даже и съ этой

* Въ Lit.-Blatt, конецъ Января, 1839. Перевожу съ дипломатической точностью.

внѣшней стороны. Несправедливо эту занимательную книгу, это зеркало истины, сравнивать съ сочиненіями Жуи и ставить ее даже ниже ихъ.»

Каково? «Знаменитый романъ Иванъ Выжигинъ!» «Г. Булгаринъ поэтъ!» И еще какой! «Который всѣхъ вѣрнѣй и живѣе изобразилъ русскіе нравы!» «Иванъ Выжигинъ превосходное твореніе!» «Твореніе всемірной занимательности!» «Зеркало истины!»—Какъ вамъ это покажется? Нельзя не вспомнить басни о пустынникѣ и медвѣдѣ.... Литераторъ, сообщившій г. Кёнигу мнѣніе, что Иванъ Выжигинъ есть худшее изъ произведеній г. Булгарина, думалъ оказать тѣмъ услугу автору этого романа. Такъ какъ Иванъ Выжигинъ, случайно, извѣстенъ въ Германіи болѣе другихъ романовъ г. Булгарина, то читатели могли подумать, что если этотъ романъ не удаченъ, за то другіе лучше. Но вотъ первый современный критикъ Германіи разомъ разрушаетъ ихъ очарованіе; они уже теперь не примутся за прочіе романы г. Булгарина, они скажутъ про себя: ну, если И. Выжигинъ лучшій его романъ, то что-же должны быть остальные?

Менцель до того простираетъ свои политическія предубѣжденія, которыя однѣ, можетъ быть, мѣшаютъ ему сдѣлаться первоклассным критикомъ, что въ той-же статьѣ спрашиваетъ очень серьозно: не національныя-ли предубѣжденія были причиною, что сочиненія г. Булгарина подвергнулись въ Кёниговой книгѣ такому строгому приговору?*—Ученый нѣмецкій кри-

* См. Lit-Blatt, тамъ-же.

тикъ судитъ о другихъ по себѣ самомъ и думаетъ, что всѣ, подобно ему, свои литературныя мнѣнія основываютъ на политическомъ образѣ мыслей. Смѣю увѣрить его, что литературными сужденіями въ книгѣ г. Кёнига не руководствовалъ ни ложный патріотизмъ, ни непріязнь народная. Подобное обвиненіе я рѣшительно отвергаю какъ отъ себя, такъ и отъ всѣхъ литературныхъ противниковъ г. Булгарина. Ими и мной не управляло никакое народно непріязненное, никакое лично враждебное чувство. Чистота намѣреній, безпристрастіе къ лицу, если и не къ произведеніямъ писателей (послѣднее едва-ли возможно), могли быть иными худо перетолкованы; могли найтись «плохіе писатели, издатели дурныхъ книгъ, для которыхъ слова *личность*, *пристрастіе* и другія тоже, что оврагъ, камень или бугоръ для труса, за которымъ онъ прячется въ сраженіи отъ непріятельскаго выстрѣла». * Но такимъ писателямъ я отвѣчаю словами редактора литературной части «Сѣверной пчелы»: «кто пишетъ и печатаетъ книгу или статью въ журналѣ, тотъ выходитъ изъ своего дома и становится въ книжной лавкѣ, чтобъ слушать громкія сужденія о себѣ. Если похвалы онъ не почитаетъ личностью, то и порицанія не долженъ почитать тѣмъ-же. Дома каждый имѣетъ право сидѣть въ халатѣ, но въ публикѣ нельзя показываться иначе, какъ въ условномъ нарядѣ. Будемъ справедливы, господа литераторы, отличимъ критику отъ личности, и согласимся, что безъ кри-

* Сѣверная пчела 1838, N 258; журн. мозаика.

тики не можетъ быть литературы, какъ безъ дождя растительности. Вспомнимъ стихи И. А. Крылова:

Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.» *

Изложивъ искренно и съ точностью исторію книги г. Кёнига, какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи, повторимъ вкратцѣ сказанное нами.

Въ началѣ 1837 г. Кёнигъ, желая ознакомить своихъ соотечественниковъ съ исторіей и особенно съ современнымъ состояніемъ русской словесности, упросилъ меня сообщить ему *изустно* нѣкоторыя о ней свѣденія и мысли.

Въ послѣдствіи, къ сообщеннымъ мною замѣчаніямъ онъ присоединилъ извѣстія, разсѣянныя въ журналахъ, сборникахъ, учебной книгѣ г. Греча, и пр., а также и то, что удалось ему извлечь изъ частной переписки и изъ разсказовъ другихъ.

Такимъ образомъ, *основная мысль* и *составленіе* книги по всей справедливости принадлежатъ ему, а не мнѣ, или кому другому.

Я-же, какъ выражается самъ г. Кёнигъ въ предисловіи къ своей книгѣ, былъ только *главнымъ*, хотя далеко *не единственнымъ*, источникомъ, откуда онъ черпалъ матеріялы.

Стало быть, я *не диктовалъ* г. Кёнигу его книги, а г. Кёнигъ не писалъ рабски съ словъ моихъ.

* Сѣверная пчела 1838, N 247, журн. мозаика.

Выраженіе, «написанная *подъ диктовку*,» также мало справедливо и въ отношеніи статьи г. Фарнгагена о сочиненіяхъ Пушкина. Подъ *мою* диктовку эта статья потому уже не могла быть написана, что по ея поводу г. Фарнгагенъ не входилъ со мною ни въ какія сношенія, ни въ прямыя, ни въ косвенныя. Сверхъ того, извѣстная литературная независимость автора, его знаніе русскаго языка, его критическая проницательность, отстраняютъ и тѣнь подозрѣнія, будто онъ руководствовался чужими, чьими-бы то ни было, совѣтами.

Книга г. Кёнига, въ первый разъ представившая Германіи и Европѣ русскую словесность въ связной, живой картинѣ, сильно обратила вниманіе иностранцевъ на нашъ языкъ и литературу. «Очерки» Кёнига переведены на многіе языки; въ самой Германіи уже оказалась необходимость во второмъ изданіи, которое, какъ надобно надѣяться, будетъ значительно исправлено и улучшено.

Такое явленіе должно-бъ было, кажется, радовать всѣхъ тѣхъ, кому близка честь русскаго имени и русской литературы. Однако, нашлись люди, до того ослѣпленные духомъ литературныхъ партій, что не устыдились взводить на Кёнига, Фарнгагена, и особенно на меня, всякаго рода небылицы, позволяя себѣ выраженія, намеки и обвиненія, на которыя человѣкъ, уважающій собою, отвѣчать не можетъ и не долженъ.

Давъ г. Кёнигу право назвать себя въ предисловіи, я, можетъ быть, поступилъ неосторожно; но уже никто не скажетъ, чтобъ я поступилъ не прямо

и не открыто. Отклоняя отъ себя, и по праву, отвѣтственность за книгу г. Кёнига въ ея общемъ объемѣ, я чрезъ то нисколько не отрекаюсь отъ выраженныхъ въ ней литературныхъ мнѣній о произведеніяхъ русской словесности, даже отъ тѣхъ, которыя моглибы принадлежать не мнѣ, а другимъ, и думаю, что, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній, общая характеристика писателей вѣрна, согласна съ истиной. Нигдѣ, въ упомянутой книгѣ, хорошій писатель не поставленъ на ряду съ дурнымъ, а дурной не названъ хорошимъ. Правда, произведенія иныхъ литераторовъ, какъ на пр. редактора литературной части «Сѣв. пчелы,» причислены къ *недостаткамъ* русской словесности; но развѣ, на бѣду, это не совершенная правда?—Допросите совѣсть и вкусъ у большинства русскихъ читателей; не тоже-ль они вамъ скажутъ?

«Сѣверная пчела,» а вмѣстѣ, по какому-то странному сближенію, и «литературная газета» Менцеля, привыкшія по себѣ судить и о другихъ, думаютъ, что въ книгѣ г. Кёнига сужденіями о произведеніяхъ автора Выжигиныхъ руководствовала *личная* или даже *народная* непріязнь. Не имѣю надобности повторять, до какой степени это несправедливо. Мысль о *народной* непріязни могла родиться только въ головѣ, наполненной политическими предубѣжденіями; что́же касается до непріязни *личной*, то, въ отношеніи меня, ея невозможность еще ощутительнѣе: я никогда не былъ (и, вѣроятно, не буду) ни въ какихъ общественныхъ сношеніяхъ съ авторомъ Выжигиныхъ; даже никогда не видалъ его въ лицо, и

не имѣлъ до сихъ поръ никакихъ причинъ ни любить его, ни ненавидѣть.

Изо всего сказаннаго должно заключить, что рѣзкими, несправедливыми и неприличными сужденіями нѣкоторыхъ журналовъ обо мнѣ и о книгѣ г. Кёнига руководствовало лишь раздраженное самолюбіе людей, боящихся, какъ-бы справедливая оцѣнка ихъ литературной дѣятельности передъ лицомъ Европы не сокрушила шаткой и незаслуженной ихъ извѣстности; людей, которымъ безсильная ихъ досада, не управляемая ни вкусомъ, ни чувствомъ приличія, ни еще менѣе чувствомъ возвышеннымъ и благороднымъ, внушаетъ нечистую мысль, что для достиженія цѣли, т: е: для низверженія противника, всѣ средства хороши и дозволены.

Но публика, это судилище, къ которому мы всѣ обращаемся, не отказалась отъ правъ своихъ, и ея справедливый голосъ рѣшитъ рано или поздно, кто изъ насъ правъ — я, или мои противники.

Н. МЕЛЬГУНОВЪ.

